

Воскресенье, 20 ноября 1938 г.

~~Специальный~~ **Выпуск**

СЕГОДНЯ

20-й г. изд.

выходитъ утромъ и вечеромъ.

№ 320

ЦѢНА НОМЕРА ВЪ ЛАТВИИ 12 САНТ., ВЪ ЛИТВѢ ЗА ОБА ИЗДАНИЯ 30 ЦЕНТ.
РЕДАКЦІЯ, ГЛАВНАЯ КОНТОРА И ЭКСПЕДИЦІЯ: РІГА, СІІІНАУИ ІЕЛА № 37.
Условія подписки, цѣна объявленій и номерація телефоновъ редак. и конторы — см. на стр. 6-8.

К.Треневъ о Вл.Немировичъ-Данченко и М.Ф.Андреева о своей первой встрѣчѣ съ Горькимъ.

40-лѣтіе Московскаго Худож. Театра выдало въ свѣтъ множество замѣчательныхъ статей по адресу театра и его руководителей. Появились и воспоминанія, болѣе интересные, чѣмъ статьи. Выступаютъ и драматурги К.Треневъ рассказываетъ въ «Свѣдѣніяхъ», что въ тѣ времена глубокаго уваженія и чистого восторга, которыми внушила ему творческая атмосфера Художественнаго театра, предавъ ново-воссозданному съ личностью Влад. Ив. Немировича-Данченка.

Поражаютъ, — пишетъ К.Треневъ, — работоспособность, остроту и неутомимость Владиміра Ивановича:

— Вотъ онъ объясняетъ актрисѣ, какъ она должна быстро, въ практическомъ тренѣжѣ пробѣжать черезъ всю сцену въ осязательномъ ухаживаніи партне-ромъ. Актриса дѣлаетъ это добросовѣстно, но требуемая температура въ ея исполненіи Владиміръ Ивановичъ еще не видитъ. Онъ объясняетъ ей пѣше-модно разе, а у актрисы все какъ-то не выходитъ. Тогда онъ быстро поднимается на сцену, и охватъ съ бурной стремительностью пробѣгаетъ въ шортингѣ черезъ всю сцену. Это пробѣжалъ

на семидесятишестилѣтній Владиміръ Ивановичъ, это пробѣжала среднѣе лѣтъ женщина,

въ трагическій моментъ плесъ страшно встревожен-ная, что можетъ пропастъ ея ребенокъ! Другой случай. Актрисы должны изображать страстныхъ, пылкихъ любовъ и понамоты члѣсто мужа и жены, вступившихся смертельными политическими врагами. Опять Владиміръ Ивановичъ показываетъ это въ мѣтахъ многократно въ теченіе часа — давай безъ перерыва. И какъ показываетъ! Къ суровой казачьей дѣвчѣ, будущей «паршѣ», женѣ Пугачева, приставъ на улицѣ охальникъ. Владиміръ Ивановичъ

показываетъ актрисѣ, какъ она должна охальница не только словами, но и глѣзками, взглядомъ цѣломудренной вольной нахалки.

Объ интересномъ случаѣ рассказываетъ тотъ же К.Треневъ. Однажды Вл.Немировичъ-Данченко вскрывалъ подоплеку одного изъ персонажей пьесы, юркаго жулика, оскундита, но брезгающаго лихачами мелкими, привычки дѣломъ «кутила». Вл. Ив. долго и детально анализировалъ его сущность, потомъ вдругъ задумался и совершенно неожиданно для всѣхъ задремалъ:

— По-моему, это человекъ очень солидный, импонирующий вѣтлѣтностью, пожалуй, что-то прощай профессоръ.

Актрисы удивлены:

— Окуда тутъ профессоръ!

Но большіе всѣхъ удивлять авторъ, хотя его удивленіе — нѣчто юморично.

— Представьте! — продолжаетъ онъ, — прототипомъ для этого персонажа мнѣ послужила имен-но

профессоръ и именно съ такими чертами и даже съ такой дальнѣйшей судьбой.

Въ «Лит. Газетѣ» Б. артистка Моск. Художественнаго театра М. Ф. Андреева воспоминаетъ о побѣдѣ труппы театра въ Крымѣ, чтобы помануть Чехову двѣ его пьесы — «Чайну» и «Дядю Ваню».

Какъ мѣлочно, М. Ф. Андреева была второй женой Горькаго. Это съ ней какъ своей гражданской женой, Горькій прѣбывалъ въ Америку и тамъ на почтѣ этого повзрослаго брата провинцева оспаривалъ, изъ-за котораго Горькій сейчасъ не изъ Америки уѣхалъ. Въ первые годы большевѣстской власти М. Ф. Андреева была поставлена во главѣ театральнаго дѣла и при ней состоялъ секретаремъ Крюковъ, явившійся одному изъ подручныхъ въ по-слѣдствіи болѣе близкаго профессора троцкистско-бухарин-цевъ и разсѣянный вѣхотъ съ Ягодой и другими подручными. М. Ф. Андреева, повидимому, мало по у дѣла, по крайней мѣрѣ ея имя уже много лѣтъ не упоминалось, и появленіе его въ «Лит. Газетѣ» явилось неожиданностью.

Съ Горькимъ М. Ф. Андреева встрѣтилась впервые по краямъ той поездки въ Крымъ, о которой она вспоминаетъ въ «Лит. Газ.» До прѣзда въ Ятву, къ Чехову, москвичи играли въ Севастополѣ, и Чеховъ прѣбывалъ туда. Хотя его и уговаривали не рисковать здоровьемъ и доминатомъ прѣзда те-атра въ Ятву.

«Поль спектакль «Гедда Габлеръ», — рассказы-ваетъ М. Ф. Андреева. — Въ антрактѣ слышу — въ коридорѣ глуховатымъ басомъ разговарива-етъ съ кѣмъ-то Антономъ Павловичемъ. Образованно подумала: «Сейчасъ зайдетъ, должно быть. Боюсь, не попортится ему только, что не въ его вкусы»... И дѣйствительно, слышу — отлучается на тонія до-свѣтны дѣлны убогой моей уборной — являю мнѣ въ лѣтнемъ театрѣ хдѣ-то на буфетѣ. Спраши-ваетъ:

— Къ вамъ можно, Марія Федоровна? Только и не одинъ, съ мной Горькій.

Сердце заболѣло — барышня! И Чеховъ и Горь-кій. Вотъ-ка вѣстичку. Вспомъ Антономъ Павловичемъ, и его давно знала, еще до того, какъ стала актри-сой, а за нимъ

высокая тонкая фигура въ голубой лѣтней русской рубашкѣ.

На головѣ бѣлая фуражка, волосы длинныя, пре-мѣе, усы большіе и рыжіе.

Неужели это Горькій? Такой незнакомый...

Антонъ Павловичъ говоритъ:

— Вотъ, знакомьтесь, Горькій. Восхищается оченъ.

— Чортъ васъ знаетъ, какъ вы хорошо играете! Чудесно, чудесно, — трясъ меня крѣпко за ру-ку, невозможно нарочитымъ басомъ гудитъ

Алексѣй Максимовичъ... А потому улыбка, сверкнувъ изъ подъ усовъ рыжими крапками зу-бамъ».

Далѣе Андреева рассказываетъ, что тогда въ Ятвѣ собралась почти вся труппа «Знамя» — Бѣляевскій Вулицъ, Куприянъ, Гусевъ-Оренбург-скій, Скиталецъ и еще кѣмъ-то много вѣрнѣе писатели. Жилъ въ Ятвѣ Максимъ-Сибирякъ.

«Все свободное отъ репетицій и спектаклей» вре-мя мы, актеры, проводили вѣхотъ съ писателя-ми, и многихъ изъ насъ поража-ло ихъ мане-то двойственное отношеніе къ Горькому.

Какъ-то у Чехова произошла такая сцена. По-слѣ чаю, это было часа въ 4 дня, собралось въ кабинетѣ у Антопа Павловича нѣсколько чело-вѣкъ изъ нашего театра. Былъ Вулицъ и моло-дой писатель въ формѣ морского офицера по фа-миліи, кажется, Лазаревскій. Былъ еще Скиталецъ, Черныковъ и Алексѣй Максимовичъ.

Гдѣ бы ни былъ Алексѣй Максимовичъ, онъ облично становится центромъ вниманія. Такъ и въ этотъ разъ. Онъ горько, говорилъ, широко раз-махивалъ руками и вообще велъ себя для насъ непривычно. Дѣлался онъ необычайно легко и ловко.

Антонъ Павловичъ сидѣлъ на диванѣ, поджмалъ подъ себя ноги и съ умной улыбкой внимательно слушалъ.

Говорилъ Горькій о двухъ русскихъ генияхъ — Толстомъ и Достоевскомъ, яростно утверждалъ, что эти великіе художники привнесли и великій вкладъ русскому народу, отаралось просвѣтъ, остано-вить и удержать источникъ еще развратъ.

На изидѣ слушающихъ ясно видно было, что съ Горькимъ они не согласны.

Однако, никто не вступалъ съ нимъ въ споръ. Такъ и дали ему, выговорившему, попрощаться и уйти, — онъ куда-то спѣшалъ.

Но стоило Горькому уйти, и сразу заговорили, разошлись, закричали, «братъ-писатель». Особен-но возмущались Вулицъ и Черныковъ.

Антонъ Павловичъ тихо показывалъ, насмѣш-ливо морщился и тихо оспаривалъ подъ пометъ:

— Что жъ вы это ему все самому не сказали?

Пока мы играли въ Ятвѣ, Горькій въ пропу-стилъ ни одного представленія пьесы Чехова. Не будучи занятъ въ «Дядѣ Ванѣ», а наблюдая, какъ воспринималъ Горькій происходящее на сценѣ. Глаза его то вскидывали, то гасли, иногда онъ крѣпко востраивалъ длинными волосами, видно было, какъ онъ старается сдержаться, пересидѣть себя, но слезы неукротимо заливали глаза, лился по щекамъ, онъ досадно смахивалъ ихъ, громко сморкался, смущенно оглядывался и снова нест-рывно смотрѣлъ на сцену».